

Александр Грин

Четвертый за всех

Александр Степанович Грин

Четвертый за всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271042

Аннотация

Каждый вечер Иванов, Крыга и Кильдин проводят в кафе, мечтая хоть о каком-нибудь приключении...

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	7
III	11
IV	17

Александр Степанович Грин Четвертый за всех

I

Кильдин, Крыга и Иванов сидели в кафе. Все они были давно знакомы, давно надоели друг другу, но тем не менее каждый вечер проводили вместе три-четыре часа, сходясь как бы случайно. На самом же деле каждый уже с утра, если не искал, то думал об остальных, забегал в ресторанчики, оглядывая ряды поднятых с бокалами рук, наконец попадал в кафе, здоровался, улыбался, и через минуту уже думал про себя, что говорить им троим не о чем.

Так и было. Но в этот раз Крыга пришел навеселе. От него пахло вином и бриллиантином: он получил деньги. Обычно-венно неразговорчивый, хроникер разошелся. Он умел, когда хотел этого, оборвать анекдот на интереснейшем месте, прищуриться на шелковую юбку ночной бабочки, обвести чмокающих губами слушателей застывшим взглядом и расцветь снова, увлекая за собой в мир похотливого смешка и ужасающего простотой солдатского остроумия. Спор его был меток и зол, рассказы о пережитом – картинны, остроты

принадлежали к числу тех, над которыми смеются, подумав.

Устав, он посмотрел в стороны. Из зеркала в зеркало метались фигуры проходящих людей, имеющих обманчивый вид сытой и благообразной толпы, цветы шляп женщин бросались в глаза более, чем неживые их лица; у телефона, поглядывая на часы, толпились смуглые молодые люди, а три ряда мраморных столиков держали в одной плоскости, как бы разрезая пополам, сидящую обкуренную толпу. Из булочной шел запах горячего хлеба и отпотевшего сахара.

– Крыга, а у тебя деньги есть? – сказал Иванов.

– Есть.

– Поедем!

– Куда?

– Да хоть бы на поплавок.

Иванов расточительным жестом бросил из жилетного кармана на стол рубль.

– Это тебе в долю. И напьемся.

Крыга почесал нос.

– Я бы поехал, – сказал он, – да мне нужно... Ах, вот что: кто эта дама? Смотри, пожалуйста: от голубой шляпы и розового лица кудри ее кажутся синими.

– Ты зубы заговариваешь, – нетерпеливо вздохнул Кильдин, – а здесь душно, выйдем на воздух. Человек, получите. Сколько? Чай – десять, верно, папиросы и лимонад – двадцать пять... а разве я кофе пил? Да, да, по-варшавски... да, да... это возьмите себе... Ну, вот и все.

– Человек, – с достоинством подхватил Иванов, – сколько с меня? Сельтерская с сиропом – пятнадцать, папиросы – десять... кулебяка? Кулебяка... Пятачок ваш.

Пока двое рассчитывались, Крыга смотрел в сторону. Злобная, тоскливая скука охватила его. Это кафе он знал десять лет, сотни вечеров судорожной, грошовой, ломаной жизни прошли здесь, между стаканом чая и папиросой, профессиональной улыбкой девушек и сосаньем набалдашника палки, и вдруг, как у школьника от затянувшегося урока, бросился в ноги зуд, нервное нетерпение и тревога тела, утомленного бесцельным сидением.

– Ну, идем, что ли, – вскакивая, сказал Крыга, – здесь, как в горячем тесте: липнешь и мокнешь.

Не зная еще по слабохарактерности, куда попадет: на иллюминированный поплавок к белой под утро реке, или домой, в тишину уснувшего здания, Крыга с Ивановым и Кильдиным вышел на улицу.

II

Шествие совершалось в молчании. Кильдин думал, что Крыга, уклоняющийся от поплавок, просто не понимает прелестей жизни. Иванов размышлял о делании шара клопштоссом¹ через весь бильярд, о женщинах, знакомых и незнакомых, проходящих мимо и существующих в его воображении. Крыга скучал.

– Мухи дохнут, – сказал он, – изобретем что-нибудь.

– Все изобретено, – мрачно возразил Иванов.

– На поплавок надо идти, – с худо скрываемым раздражением произнес Кильдин.

Трамвай с шумом рассекал воздух. Еще видя невидное людям солнце, блестела адмиралтейская игла, городские чинно подымали белые палки, и множество – среди всяких других – двигалось над тротуаром нежных лиц женщин с равнодушно смотрящими глазами, чистых в своей неизвестности, ярких и безответных.

Приятели шли, замедляя шаг; им некуда было торопиться, и они не знали, куда идут. Крыга почти с ненавистью взглянул на шагающего рядом Иванова и остановился.

– Куда идем? – сказал Крыга. – Мне что-то не по себе. Я, видимо, протрезвел. С души воротит. Что мы будем делать

¹ Клопштосс – название удара в игре на бильярде.

на поплавке? Выпьем графин водки? Общение душ устроим? Тайну неба похитим? Прекрасную незнакомку встретим? Графин, два графина, три графина, – хочешь ты сказать, Иванов... Допустим – три. Мы, черт его знает, – монстры какие-то. Нам всем вместе неполных сто лет, здоровья для Петербурга довольно, дураками тоже не назовешь, а ведь над нами любой богомолке заплакать не оскорбительно.

– Для разнообразия и я на эту тему поговорить люблю, – сказал, зевая, Кильдин, – да ведь все это не настоящее...

– Ты идиот, – перебил Иванов, – тут как-то в рассеянной толкучке этой ловишь по частям вечное. Раздражает – да, не удовлетворяет – да, а все-таки здесь ближе к себе, понимаешь, чувствуешь свою сущность.

– А вот что, – сказал Крыга, – выйдем из шаблона хоть раз, побродим в одиночку... Натяните вам по пяти рублей, обойдите вы от зари полгорода: может, хоть вас автомобиль переедет, – все-таки интереснее.

– А что же! – лукаво, но горячо, в тон Крыге, произнес Иванов. – Сделаться на час искателем приключений! Давай деньги, дорожные расходы необходимы.

Кильдин, приободрившись, протянул руку.

– И мне, – сказал он. – Но ведь ты придумал интересную штуку, Крыга... Только знаешь что? Дай мне еще рубль, я тебе завтра отдам.

– Нет! – уже увлеченный случайной своей выдумкой, вскричал Крыга. – Ведь может же быть что-нибудь.

На миг каждый поверил этому, – тон голоса Крыги прозвучал детской верой в дракона. И каждому из них дракон был необходим, как воздух и хлеб; дракона же не было, лишь в зоологическом саду крылатое из картона туловище дышало горячей паклей, а Брунгильда² Ляпкина держалась за хребет чудовища безопасней, чем за ременную петлю трамвая.

Миг, как всякий миг, кончился скоро, оборвался на голубой вспышке проволоки; ни говорить, ни думать об этом более не хотелось; однако, еще будучи в плену выдумки, Крыга сказал:

– И я бродячую бессонницу делить буду. До завтра в кафе! Если б хоть одному из нас повезло!

Поговорив немного, все трое разошлись в разные стороны. Иванов, сжимая в кармане и в кулаке золотой, подошел к углу, с перехваченным радостью горлом купил двадцать пять штук папирос, взял под руку жизнерадостную брюнетку, позвал извозчика, сел и поехал.

Кильдин, бессознательно улыбаясь, вышел к Пассажу, понял, что жить радостно и легко, взял под руку задорно болливую блондинку, позвал извозчика, сел и поехал.

Крыга сказал себе своими словами: «Ерунда пришла в голову: нет приключений, городок глух, нем и жесток» – остановил печальную рыженькую, раздумал, сказал: «Прощайте», позвал извозчика, сел и поехал спать.

² Дракон, Брунгильда – персонажи древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах».

Взвесив шансы на интерес, последуем мы за ним.

III

По дороге домой Крыга думал о прелести черных ночей юга, блаженстве темноты, когда, забывая свет, мирно отдыхает натруженное за день тело, а глаза спокойно, не вглядываясь, остаются открытыми.

Белый, без улыбки и блеска свет томил город глухим раздражением ночи, лишенной своего естественного лица – мрака. Извозчик сидел понурясь. Он спал, а просыпаясь, – зло дергал вожжами и бормотал что-то непонятное.

Наконец, он остановился, а Крыга, слезая у железных ворот дома, где жил, испытал ту небольшую радость суетливого горожанина, когда после коварных, но деловых, пустых, но нужных свиданий, посещений и встреч возвращается он домой, к постели и книге.

Щелкнув французским ключом, Крыга вошел в переднюю, а потом в комнату. Представляя, как Иванов и Кильдин обходят глухие набережные, мосты, заплатанные вывесками переулки, где кошки с деловым видом обнюхивают тумбу, а женщины в нижних юбках, сжимая под накинутой шалью пустые бутылки, перебегают дорогу, Крыга невесело усмехнулся. Приятели думают о нем то же самое, а он – изменник, но результат – ясно – один. Те двое тоже придут домой, – дальше идти некуда.

В комнате было светло, как на рассвете. Крыга подошел к

настежь открытому окну, куря папироску. Тихий лежал внизу двор, а впереди, чередуясь с зеленью берез и лип, тянулись хребты крыш. Золоченые купола церквей казались в отдалении туманным рисунком. Где-то стучала машина электрической станции.

«Хорош Петербург, – подумал Крыга, – люблю я этот чудесный город, сам не знаю за что. Может быть, потому – что он, как истинное сокровище, не знает и не ценит себя сам; это русский Париж, русская в нем душа, и весь он похож на то, как будто остановился живой человек с высоко поднятой головой, забродило в ней столько, что и сил нет сделать все сразу, дышит тяжело грудь; грустно и хорошо».

В этот момент с Невы, ухая в отдаленных улицах резкими вздохами, вылетел к окну крыши гибкий, поражающий даже привычное ухо странностью звука, пронзительный вопль сирены. Прошла минута, в течение которой Крыга старался согласовать бессознательно тихое свое настроение с тревожным криком реки, и вдруг за стеной слева, – так неожиданно, что журналист, не успев опомниться, вздрогнул и затрясся всем телом, – раздался долгий оглушительный вопль, точное подражание стальной глотке.

Вопль стих, возвратилась разбитая на мгновение вдребезги испуганная тишина, а Крыга еще стоял, как человек, смытый за борт, захлебывался испугом и вздрагивал. Сильное биение сердца удерживало его на месте; взяв себя в руки, Крыга выбежал на цыпочках в коридор и, потянув соседнюю

дверь, взглянул в щель. За спиной стула на столе лежал голый локоть. Тотчас же рука пошевелилась, стул отодвинулся; молодой, в одном нижнем белье, человек подкрался бо-сиком к двери, остановился в двух шагах от нее и принялся, наклонив слегка голову, нервно тереть маленькие усы.

Крыга и он стояли друг против друга, лишь случайно не встречаясь глазами. Лицо неизвестного – так как, по-видимому, это был новый жилец, которого Крыга еще не видел, – лицо это выражало крайний предел загнанности и угнетения. Сильно блестели глаза; рот с опущенными углами сжимался и разжимался, словно в него попал волос, и человек движениями губ стремился удалить раздражающее постороннее тело.

– Да он повесится, – сказал Крыга, – надо войти туда. – И вызывающе постучал.

Неизвестный, выпрямившись, отбежал к столу, сел и, сунув руки между колен, уставился на дверь таким полным страха и тоски взглядом, как если бы сейчас должен был вкатиться локомотив. Не дожидаясь ответа, Крыга отворил дверь и вошел.

К его удивлению, сосед поднялся с изменившимся выражением лица, немного сконфуженного, но улыбающегося той улыбкой, когда человек знает, что ему скажут, Крыга, притворив дверь, сказал:

– Вы, пожалуйста, извините, но я подумал, что с вами случилось бог знает что... Я прямо не в состоянии был сидеть

в комнате. Что такое? Меня зовут Крыга.

– Пафнутьев, – сказал молодой человек, – у меня бессонница, я в дезабилье³, прошу извинить.

– Мне показалось... – взволнованно начал Крыга, пристально, с немного жутким чувством смотря на Пафнутьева, – что это самое... вы... расстроены, вероятно?

Пафнутьев покорно и виновато улыбнулся, отводя взгляд. Сидел он, согнувшись, в такой позе, как если бы был разбит параличом, но не желал показывать этого.

– Вот не знаю. Не передашь. В этой сирене какое-то заразительное отчаяние.

Наступило молчание. Маленький растрепанный человек сидел перед Крыгой и улыбался.

– Вы откуда?

– Из Рязани, – сказал Пафнутьев, – я здесь три месяца.

– Учитесь?

– Да. Студент.

– А знакомые у вас есть?

– Нет.

– Как нет? – удивился Крыга. – Чтоб в Петербурге не завелись знакомые?

– Да нет же! – упрямо и сердито повторил Пафнутьев. – Нет никого. Я людей боюсь, – с неловкой искренностью прибавил он, – так вот сжимаешься, сжимаешься, да нет-нет, кто-нибудь и уязвит, и тогда одно отвращение.

³ В дезабилье (франц. deshabelle) – не вполне одет.

– А родственники есть?

– Нет.

– Совсем нет?

– Совсем нет, – весело улыбаясь, подтвердил Пафнутьев.

– Вам надо лечиться, – серьезно сказал Крыга, – что же это, ведь пропадете так?

– Пропаду, – вдруг зло и глухо бросил Пафнутьев; вскочив, он быстро забежал по комнате, шлепая босыми ногами. – Да, нервы расстроены, денег нет! И черт их дери, пропаду, так пропаду... А зачем жить? Скучно, холодно... Холодно, – остановившись и подергивая, как от озноба, плечами, повторил он.

– Да вы идите, вам спать нужно, я уж не закричу.

– Ах, милый, – сказал Крыга, – слушайте, я вам валерьянки дам. Хотите? Уснуть-то ведь нужно.

– Не надо мне валерьянки, – сказал Пафнутьев, забежал, суется руками по незастегнутому вороту рубашки, остановился и, посмотрев рассеянно на Крыгу, прибавил: – Валерьянки?.. А дайте, отлично.

Крыга, торопясь, вышел, плотно закрыв дверь. В полутьме коридора разбуженные криком и разговором жильцы высунулись из дверей, притаив дыхание; видны были только заспанные, обеспокоенные лица и руки, придерживающие дверь.

– Что там? – шепотом спросила курсистка с усиками.

– Да маленькое приключение, – сказал Крыга, – так, го-

родская мелочь, шелуха жизни; человек пропадает – только и всего.

Курсистка сделала озабоченное, недоумевающее лицо.

– Что с ним, припадок?

– Нет, насморк. Я ему валерьянки дам.

Когда Крыга вошел снова, Пафнутьев, кутаясь в одеяло, сказал:

– Черт его знает, еще погонят отсюда.

– Зачем? – сказал Крыга. – Скажите, что во сне кошмар был. Полсотни накапайте. Уснете.

– Усну. Спасибо.

Крыга сунул ему графин и ушел спать. За стеной было тихо. – «Нет, теперь не уснешь, – собираясь раздеваться, сказал Крыга, – гвоздем засел в голове крик, весь дом насторожился после него. Так вот что...»

Он взял шляпу, вышел на улицу и, чувствуя с некоторым удовольствием, что есть законный предлог по случаю бессонницы выпить, исчез в ресторане.

IV

Франтоватый, выпавшийся Кильдин, увидев Крыгу, лениво взмахнул бровями, как бы говоря: «да, вчера пошалили, а впрочем, ничего особенного» – сосредоточенно поздоровался, корректно сел, сдвинув колени, высморкался и развалился на стуле, погрузив большие пальцы рук в верхние карманы жилета.

– Мало сегодня в кафе народа, – сказал Кильдин. – А где Иванов?

– Нет Иванова, – усмехнулся Крыга, – он придет, а ты расскажи.

– Что?

– А что вчера говорили.

Кильдин гордо вздохнул.

– О, есть приключения и приключения, – веско сказал он, – но ты, жестокий материалист, хочешь фактов.

– Факты, конечно, были, – серьезно, с завистливым, вытянутым лицом произнес Крыга, – я знаю все: ты встретил солнечную женщину, прелесть девической мировой души, и сказкой прошла ночь.

– Почти, – нагло сказал Кильдин, – но это все вне фактов, это особенное: улыбка, жест и полное соединение взглядами.

– Здравствуйте, – сказал, роняя стул, Иванов. – Я так торопился; если бы вы знали...

– Знаю, – подхватил Крыга, – улыбка, жест и полное соединение взглядами.

– Это о чем? – холодно спросил Иванов.

– Она была спелого золотистого цвета, – невозмутимо продолжал Крыга, – ее несло по течению вниз с нимбом над головой, ты спас ее, а потом снял носки и повесил их на Тучковом мосту; солнышко высушит.

– Я буду пить черный кофе, – сказал Иванов и нахмурился. – Но ты, Крыга... ты, кроме шуток, что вчера делал?

– Да все то же. – Крыга зевнул, говоря. – Удел тут один, братцы, – улыбка, жест и полное соединение взглядами.